

Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900—1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых приисках. СПб., 1898. Т. 2.

Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX вв. К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова. Екатеринбург, 2004.

Усанов В. И. История горно-заводской промышленности и рабочего класса Урала второй половины XIX в. в советской историографии. Челябинск, 1989.

Фельдман М. А. Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900—1917 гг.: историографические проблемы // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006.

Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994.

Статья поступила в редакцию 04.06.2009 г.

УДК 94(470)“1941/1945”

Г. И. Кольга

КУРСКАЯ ДУГА — 1943: МЕТАМОРФОЗА «ПРОЗРАЧНОЙ» БИТВЫ

Рассматриваются оперативно-тактические принципы германского и советского главнокомандований при планировании и проведении Курской битвы летом 1943 г. Анализируются нарушения германским командованием основных принципов оперативного искусства, взаимная метаморфоза немецких и советских оперативных принципов в ходе военных действий. Автор приходит к выводу о превосходстве советского военного оперативно-тактического искусства уже в этот период войны.

Ключевые слова: Курская битва, операция «Цитадель», операция «Кутузов», операция «Полководец Румянцев».

В настоящее время, когда на Западе пересматриваются итоги Второй мировой войны, когда в мире сложилась новая геополитическая ситуация, при которой доминирует только одна страна — США, стремящаяся, как когда-то нацистская Германия, изолировать Россию, возрастает актуальность изучения прежних попыток захвата европейцами нашей страны, в частности попытки, предпринятой германским рейхом в ходе Второй мировой войны. Одним из ключевых событий той войны, безусловно, считается Курская битва 1943 г., окончательно изменившая ее ход. Грандиозное сражение на Курской дуге вписано золотыми буквами в летопись Великой Победы. Однако до сих пор в нашей стране не воссоздана обобщающая история этой эпохальной военной операции.

В отечественной историографии еще в 50-х—70-х гг. XX в. были подробно описаны тактические действия советских войск на уровне дивизий и полков [см.: Битва под Курском ...]. В эти же годы многие участники Курской битвы издали свои мемуары, среди которых особое место занимают работы знаменитых полководцев — Г. К. Жукова, А. М. Василевского, И. С. Конева, М. Е. Катукова,

П. А. Ротмистрова, И. Х. Баграмяна и др. Отечественные историки тогда опубликовали ряд книг и многочисленные статьи в военно-исторических журналах по вопросам стратегии и тактики, действий отдельных родов войск Красной Армии в ходе сражения. В 7-м томе 12-томной истории Второй мировой войны в рамках марксистской концепции освещены вопросы подготовки и проведения Курской битвы обеими сторонами, подведены ее итоги. Но при этом даже невооруженному взгляду видна узость источниковой базы, «марксистские» штампы: все, что делает советская сторона, — превосходно, а что немецкая — плохо. В последние годы стали появляться новые работы о Курской битве [см., например: Коломиец, Свиринов], статистические данные о подготовке и ходе сражения [см.: Колтунов, Соловьев], о провале третьего наступления вермахта на востоке [см.: Соловьев]. В 1993 г. вышла в свет книга о потерях вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах [см.: Гриф секретности снят ...], в которой можно почерпнуть сведения о советских потерях, в том числе и в Курской битве. В новейшей отечественной историографии сенсационное мнение выдвинул О. Пленков, написавший, что Курская битва стала поражением Красной Армии, которое представили победой, явилась «доказательством не превосходства советской армии, а наоборот — дефектов сталинского руководства» [Пленков, 143]. К сожалению, некоторые издания до сих пор имеют гриф секретности или гриф «для служебного пользования».

Учитывая значительный разброс мнений ученых в оценке Курской битвы, мы решились на основе недавно открытых документов российских архивов и новых зарубежных исследований провести объективный сравнительный анализ подготовки советскими и немецкими войсками операции на Курской дуге, что помогло бы лучше понять замыслы, принципы военного искусства сторон, осмыслить итоги этого грандиозного сражения.

После бурных событий начала 1943 г., приведших к стабилизации Восточного фронта, весной обе стороны приступили к планированию летней кампании. Многие немецкие и советские генералы обратили внимание на Курский выступ, образовавшийся после февральского наступления Красной армии и мартовского контрнаступления вермахта. Именно он и стал объектом интереса немцев. За подписью Гитлера 13 марта 1943 г. вышел оперативный приказ № 5, в котором излагались директивные указания по ведению боевых действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы. В нем группе армий «Юг» предписывалось до середины апреля создать сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр» — ударную группировку южнее Орла, чтобы концентрическими ударами с двух сторон уничтожить советские войска на Курском выступе [см.: КТВ ОКВ, 1420—1422]. Что касается времени проведения операции, все соглашались с тем, что ее нужно начинать как можно скорее, так как лишь внезапное наступление могло обеспечить определенный эффект неожиданности. Однако здесь возникли две проблемы: весенняя распутица и обеспечение войск новыми танками типа V «Пантера» и типа VI «Тигр», в связи с чем сроки начала операции бесконечно менялись.

Советскому главнокомандованию благодаря энергичной деятельности разведорганов удалось своевременно вскрыть подготовку вермахта к крупному

наступлению. По указанию Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) в начале апреля для координации действий в район Курского выступа прибыл Г. К. Жуков, который, изучив ситуацию, в своем докладе Верховному главнокомандующему 8 апреля 1943 г. выдвинул идею «преднамеренной обороны» [см.: Жуков, 433–435].

По требованию Ставки 10 апреля 1943 г. в Генеральный штаб Красной армии поступила оценка стратегической обстановки на Центральном фронте. Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский сообщал, что весной — летом следует ожидать наступления противника по оперативной оси Курск — Воронеж. При этом предполагалось, что противник «направит свои основные усилия одновременно на внешнем и внутреннем радиусах действий: на внутреннем радиусе — из района Орла через Кромы на Курск и из района Белгорода через Обоянь на Курск; вдоль внешнего радиуса — из района Орла через Ливны на Касторное и из района Белгорода через Ст. Оскол на Касторное» [ЦАМО РФ, ф. 233, оп. 2307, д. 3, л. 29–33]. Двенадцатого апреля 1943 г. в Генштаб была передана оценка стратегической обстановки на Воронежском фронте. На основании данных войсковой разведки командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин сделал вывод, что «намерение противника состоит в нанесении концентрических ударов из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток с целью окружения наших войск, расположенных западнее линии Белгород — Курск». Исходя из стратегической обстановки на Центральном и Воронежском фронтах их командующие рекомендовали Ставке создать сильные резервы и дислоцировать их вдоль всей полосы фронта [см.: Там же, ф. 203, оп. 2777, д. 75, л. 116–121].

В этот же день, 12 апреля, в Ставке ВГК состоялось обсуждение плана боевых действий на лето 1943 г. Заместитель Верховного главнокомандующего Г. К. Жуков, начальник Генштаба А. М. Василевский и первый заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов предложили Сталину план оборонительно-наступательной операции. Генерал-майор С. М. Штеменко, первый заместитель начальника оперативного управления Генштаба, вспоминал позднее об этом совещании: «В конце концов было решено сконцентрировать основные силы в районе Курска, обескровить войска противника здесь в оборонительных боях, затем перейти в наступление и добиться полного разгрома. Чтобы обезопаситься от нежелательных случайностей, было сочтено необходимым создать глубокоэшелонированную надежную оборону по всему стратегическому фронту, особенно... у Курска» [Штеменко, 152–153]. Пятого мая последовала директива Ставки ВГК командующим Воронежским, Центральным и Юго-Западным фронтами с требованием «усилить оборону» и быть готовыми к отражению всеми силами «готовящегося удара противника» [ЦАМО РФ, ф. 3, оп. 11556, д. 13, л. 160].

Гитлер все больше склонялся к проведению наступательной операции на Центральном участке фронта. Об этом свидетельствует его приказ № 6 от 15 апреля 1943 г. о проведении операции «Цитадель». В нем говорилось: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым решительным успехом, дать в наши руки инициативу на весну и лето

текущего года...». В приказе огромное значение придавалось обеспечению внезапности [Гланц, Хауз, 376]. В Мюнхене 3 мая 1943 г. было проведено совещание по поводу предстоящей операции. После вступительного монолога Гитлера о необходимости предпринять наступательные действия в 1943 г. и предложения командующего 9-й армией В. Моделя о переносе операции на более позднее время слово взял генеральный инспектор танковых войск Г. Гудериан и заявил, что «наступление бесцельно; наши только что подтянутые на Восточный фронт свежие силы при наступлении по плану начальника Генерального штаба будут снова разбиты, и мы наверняка понесем тяжелые потери в танках. Мы не в состоянии еще раз пополнить Восточный фронт свежими силами в течение 1943 г.» [Гудериан, 422]. Гитлера, по всей видимости, пугала операция по типу «прозрачной» лобовой атаки, которую предлагали командиры из Генерального штаба, и после очередного совещания, последовавшего 10 мая 1943 г., он признался Гудериану, что от одной мысли об операции «Цитадель» его «тошнит» [см.: Там же, 422–424]. Тем не менее именно с этого времени немецкое и советское командования начинают активную подготовку к этому сражению. В мае – июне 1943 г. обеими сторонами были разработаны подробные планы будущей битвы.

Немецкий план операции «Цитадель» в соответствии с приказом № 6 от 15 апреля 1943 г. предусматривал концентрический удар в направлении Курска; его должны были наносить группа армий «Юг» (полоса которой проходила по выступу с обеих сторон Белгорода) и группа армий «Центр» (полоса которой начиналась к западу от Малоархангельска). Общая цель заключалась в том, чтобы срезать выступ вдоль линии Белгород – Курск – Малоархангельск, установить новую, более короткую, линию обороны по рубежу Нежегол – сектор Короча – Скородное – Тим – восточнее Щигры – сектор Сосна; уничтожить силы Красной армии, отрезанные на выступе; вовлечь в боевые действия и разбить самые боеспособные советские войска из стратегических резервов советской Ставки [см.: КТВ ОКВ, 1425].

Командующий 9-й немецкой армией генерал-полковник В. Модель на северном фесе Курского выступа решил осуществить прорыв на 50-километровом участке обороны противника силами пехоты методично и последовательно. В результате его глубоко эшелонированная 9-я армия должна была начать наступление девятью пехотными дивизиями, усиленными танками и штурмовыми орудиями. Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Э. Манштейн для Южного феса избрал не такую наступательную тактику, как Модель на севере. У него не пехотные, а танковые соединения должны были совершить быстрый прорыв. Учитывая, что советская оборона эшелонирована на большую глубину, Манштейн счел традиционный метод ненадежным и слишком затратным по времени и силам. Он полагал, что мощный удар параллельными курсами 600–700 танков на 80-километровом участке прорыва в двух местах быстро подавит сопротивление противника [см.: Карель, 9].

Советский план битвы на Курской дуге предусматривал две операции: первую – оборонительную, вторую – контрнаступательную. Важнейшей проблемой советского плана на первом этапе было создание глубокоэшелонированной

обороны с тем, чтобы остановить немцев далеко от стратегической глубины прорыва. Для отражения немецкого наступления советские части применили оборонительную тактику, разработанную ранее немцами. Если советская модель обороны, прописанная в Полевом уставе РККА от 1936 г., отдавала предпочтение противотанковой обороне, то немецкая тактика, указанная в полевом уставе HDV 130/9 от 18 января 1940 г. «Вождение и бой пехоты», признавала за артиллерией, пехотой и противотанковой обороной равные права. В параграфе 232 этого устава говорилось: «Начертание переднего края определяется в первую очередь интересами организации огня. Оно зависит от наличия мест для наблюдательных пунктов артиллерии и тяжелого оружия пехоты, от наличия хорошего обзора и обстрела, а также возможности организации противотанковой обороны» [цит. по: Токарев, 29]. Советское командование, используя немецкие указания, в новом Боевом уставе пехоты 1942 г. также требовало вести оборонительный бой в тесном взаимодействии пехоты, артиллерии и противотанковой обороны. К началу Курской битвы было подготовлено 6 главных полос обороны. Каждый пояс состоял еще из двух или трех эшелонов. Только две первые полосы были полностью заняты войсками; третья и четвертая полосы отводились войскам, находившимся в резерве; последние две полосы в основном вообще не были заняты. Главная полоса советской обороны состояла из батальонных участков обороны, узлов противотанковой обороны и широкой сети инженерных препятствий. У 37 стрелковых дивизий, занимавших первую линию обороны, было 350 батальонных участков обороны, из которых от двух до трех образовывали двойной эшелон сектора обороны полка шириной от 4 до 6 км и глубиной от 3 до 4 км. Сектор обороны дивизии составлял по фронту в среднем 14 км (от 6 до 12 км на особо угрожаемых участках и до 25 км на второстепенных участках), а в глубину — от 5 до 6 км [см.: Сборник ... , 28].

Каждая оборонительная позиция представляла собой лабиринт ходов сообщения и ДОТов. Только на Воронежском фронте с апреля по июнь было сооружено 4 200 км окопов и ходов сообщения и 500 км противотанковых заграждений. Шестая гвардейская армия поставила 64 340 противопехотных и 69 688 противотанковых мин в основном поясе обороны армии и 9 097 противопехотных и 20 200 противотанковых мин во втором армейском эшелоне обороны [см.: Аганов, 318–375].

Помимо позиций пехоты большое внимание советской стороной уделялось противотанковой обороне. Типичный противотанковый опорный пункт включал роту противотанковых ружей, противотанковую артиллерийскую батарею в составе от 4 до 6 орудий, два или три танка или самоходные артиллерийские установки. Два или три опорных пункта, подготовленные к совместным действиям, чтобы вести перекрестный огонь, перекрывая танкоопасное направление, образовывали укрепленный противотанковый район («ловушку»). В стрелковых полках оборудовали по 3–4 таких района, так что в каждой дивизии их было в сумме от 9 до 12 [см.: Козлов, 32].

Советское командование усилило плотную противотанковую оборону внушительным набором средств артиллерийской поддержки, ракетных установок

и минометов. Артиллерию разместили в глубине обороны, сосредоточив вдоль ожидаемых направлений ударов противника. В ее задачи входили артиллерийская подготовка, контрподготовка, бой с продвигающимися немецкими войсками и огневая поддержка контратак и контрударов, а также двух запланированных контрнаступлений [см.: Гланц, Хауз, 84].

Для проведения второго этапа операции советским командованием были разработаны контратакующие оперативные планы «Кутузов» и «Полководец Румянцев». План операции «Кутузов» предусматривал нанесением ударов трех фронтов (Западного, Брянского и Центрального) по сходящимся направлениям на Орел окружить группировку противника, рассеять ее на части и в последующем каждую в отдельности уничтожить. Замысел операции «Полководец Румянцев» предусматривал нанесением рассекающего фронтального удара смежными крыльями Воронежского и Степного фронтов при поддержке Юго-Западного фронта в общем направлении на Богодухов, Валки, Новую Водолагу рассеять белгородско-харьковскую группировку противника [см.: История Второй мировой войны, 158–159, 170].

В ходе подготовительных мероприятий с середины мая по начало июля немецкая 9-я армия обнаружила свое отставание от советского Центрального фронта в динамике накопления сил на Курском выступе (табл. 1).

Таблица 1

Динамика сосредоточения боевых сил сторон накануне Курской битвы

Северный фас Курской дуги	16 мая 1943 г.		4 июля 1943 г.	
	Германия	СССР	Германия	СССР
Боевая численность, чел.	66 137	124 000	75 713	161 000
Орудия и минометы, ед.	3 006	8 000	3 368	12 453
Танки и штурмовые орудия, ед.	800	1 000	1 014	1 783

Источник: *Ньютон С. Х.* Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006. С. 463–476.

Анализ данных, приведенных в табл. 1, позволяет сделать вывод, что двухмесячная отсрочка начала операции, с предложением которой выступал В. Модель, реально приблизила поражение 9-й армии. По всем важнейшим показателям — в личном составе, артиллерии и танках — незначительные увеличения в численности, которых удалось достичь немцам, не шли ни в какое сравнение с пополнениями советских войск. Таким образом, сам Модель уменьшил шанс собственной армии прорвать оборону Центрального фронта, когда убедил Гитлера отложить операцию «Цитадель». Похожая картина сложилась и в группе армий «Юг».

Для проведения наступления на Курской дуге немецким командованием была создана крупная ударная группировка, включавшая до 50 дивизий, из них были полностью укомплектованы и хорошо обучены 19 танковых и танково-гренадерских, 14 пехотных дивизий [см.: КТВ ОКВ, 1621]. В составе советских фронтов в битве приняли участие 5 танковых армий, 23 танковых корпуса, 6 механизированных корпусов, около 20 отдельных танковых бригад, более 60 отдельных танковых и около 30 самоходно-артиллерийских полков

[см.: История Второй мировой войны, 144]. Соотношение сил сторон к началу сражения представлено в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение сил сторон к началу операции на Курской дуге
[Колтунов, Соловьев, 63]

Показатель	Советские войска	Германские войска	Соотношение
<i>Центральный фронт / группа армий «Центр»</i>			
Личный состав (строевые части), чел.	510 983	267 000	1,9 : 1
Всего, чел.	711 575	383 000	1,9 : 1
Танки, ед.	1 785	1 081	1,7 : 1
Орудия и минометы, ед.	11 076	6 366	1,7 : 1
<i>Воронежский фронт / группа армий «Юг»</i>			
Личный состав (строевые части), чел.	466 236	300 000	1,6 : 1
Всего, чел.	625 591	397 900	1,6 : 1
Танки, ед.	1 704	1 617	1,1 : 1
Орудия и минометы, ед.	8 718	3 600	2,4 : 1
<i>Степной фронт</i>			
Личный состав (строевые части), чел.	295 000	—	—
Всего, чел.	573 195	—	—
Танки (боеспособные), ед.	900	—	—
Танки (всего), ед.	1 551	—	—
<i>Итого</i>			
Личный состав (строевые части), чел.	1 272 219	567 000	2,3 : 1
Всего, чел.	1 910 361	780 000	2,4 : 1
Танки (боеспособные), ед.	4 206	2 696	1,6 : 1
Танки (всего), ед.	5 040	2 696	1,9 : 1
Орудия и минометы, ед.	19 794	9 966	2,1 : 1

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют об огромном количественном перевесе советских войск накануне сражения. Однако даже он не давал возможности командирам Красной армии быть спокойным за его исход. Тот факт, что в предыдущих случаях натиск германских войск был остановлен только под Москвой и Сталинградом, после их продвижения на сотни километров, на уровне стратегической глубины, оказывал отрезвляющее действие даже на самых оптимистично настроенных советских командиров. Тем более что на направлениях главного удара ситуация была не столь радужной. Боевая мощь советских соединений на южном крыле в пересчете на один километр фронта была несколько ниже, чем на северном крыле. Так, в полосе Воронежского фронта (на юге) на направлении предполагаемого главного удара

противника имелось до 2,5 тыс. человек, 42 танка и 59 орудий, тогда как в полосе Центрального фронта (на севере) — до 4,5 тыс. человек, 45 танков и 104 орудия на километр [см.: Гланц, Хауз, 80]. Иначе говоря, на южном крыле выступа, где сосредоточивалась более сильная немецкая группировка, советская оборона была слабее, чем на северном крыле, и наоборот. И даже с учетом этого гарантий победы для германской стороны в такой ситуации не было ни при каких уровнях ее тактического и технического превосходства, ибо «страховым полисом» Красной армии являлся Степной фронт с его полумиллионным личным составом и 1,5 тыс. танков.

Гитлер в большей степени понимал проблемы вермахта и поэтому включил в план операции «Цитадель» более скромные стратегические цели, чем в предыдущих кампаниях, а советская сторона надеялась остановить германский натиск на оперативной глубине, в пределах самой Курской дуги.

Принимая решение о проведении операции, Гитлер рассчитывал на свои новые танки Т-V («Пантера»), Т-VI («Тигр») и штурмовые орудия «Фердинанд», которые, однако, еще не были доведены до совершенства, да и количество их было недостаточным. К началу операции «Цитадель» германские силы групп армий «Центр» и «Юг» получили в свое распоряжение до 130 «Тигров» и более 200 «Пантер» [см.: Там же, 28–31]. Т-34, по сравнению с новыми немецкими танками, имел слабую лобовую броню (45 мм), его 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 броню толщиной 100 мм пробивала только с 500 м. «Тигры» с превосходной цейссовской оптикой, 88-миллиметровой пушкой с большой дистанции (бронепробивный снаряд на расстоянии 500 м пробивал броневую плиту толщиной 130 мм, а на расстоянии 1 000 м — плиту толщиной 119 мм) десятками жгли советские танки. Мощность немецких танковых двигателей также была выше — 700 против 500 л. с. [см.: Шунков, 238]. Интересно, что на севере Курского выступа К. К. Рокоссовский сразу добился снижения потерь, запретив бросать «тридцатьчетверки» в лобовые атаки и используя их из-за укрытий или в боевых порядках пехоты. На юге же И. С. Конев и Н. Ф. Ватугин продолжали эту порочную тактику до 13 июля. Соответственно, потери на севере составили 1 : 1,5, а на юге — 1 : 17,5 [см.: Красиков, 284].

При подготовке операции советским командованием в мае и июне 1943 г. была проведена огромная организационная работа, о чем свидетельствуют новые архивные данные. Восемнадцатого мая 1943 г. была издана директива Ставки ВГК № 30130 о недостатках в управлении войсками и мерах по их устранению, в которой обращалось внимание на необходимость улучшить координацию в командовании войсками на уровне армия — корпус. Усиливалась централизация командования и устанавливался иерархичный порядок подчинения и ответственности между командирами корпусов и командующими армиями [см.: ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 143, л. 149–150].

Двадцать третьего мая 1943 г. появился приказ Ставки ВГК о перевооружении стрелковых подразделений автоматами, о перевооружении в каждой стрелковой роте стрелковых дивизий и стрелковых бригад действующей армии всего личного состава одного стрелкового взвода путем замены винтовок автоматами. В остальных стрелковых подразделениях дополнительно вооружались

автоматами только командиры отделений, взводов, рот и батальонов. Перевооружение требовалось произвести в первую очередь в стрелковых дивизиях и бригадах, находящихся в резерве армий, фронтов, Ставки [см.: ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. 3763, д. 143, л. 152].

Семнадцатого июня 1943 г. был издан приказ начальника Генерального штаба об организационном укреплении стрелковых рот. Для это было необходимо: а) довести численность стрелковых рот в дивизиях, имеющих состав до 6 тыс. человек, до 80—90 бойцов и в дивизиях численностью 7 тыс. и выше — до 120—130 человек за счет возвращения в роты всех прикомандированных к штабам и тыловым учреждениям бойцов; б) организовать изучение и учет личного состава рот; немедленно завести списки и выдать красноармейские книжки; ежедневно проводить утреннюю и вечернюю поверки; на должности командиров рот подбирать лучший командный состав; в) улучшить качество отбора бойцов в стрелковые роты; г) повседневно совершенствовать боевую выучку стрелковых, пулеметных рот и батальонов; д) повысить требовательность командиров, поднять строевую службу и улучшить внешний вид бойцов и командиров; е) для повышения боевой подготовки командиров стрелковых рот и в целях обмена боевым опытом проводить при дивизиях краткосрочные сборы командиров стрелковых рот и батарей, а при полках — командиров взводов и младшего комсостава; ж) улучшить культурно-бытовое обслуживание стрелковых рот, батарей; обеспечить бойцам своевременную подачу горячей пищи; приблизить банно-прачечное обслуживание к войскам [см.: Там же, ф. 48а, оп. 3409, д. 15, л. 209—212].

Немецкая разведка установила значительное усиление на Курском выступе обороны советских войск, ожидавших немецкого наступления. В одной из сводок разведывательного отдела Генерального штаба сухопутных войск вермахта от 2 мая 1943 г. говорится: «По некоторым новым... сообщениям, не исключено, что противник разгадал подготовку немецкого наступления...» (перевод наш. — Г. К.) [Heinrici, Nauck, 529]; 21 мая 1943 г. поступило новое сообщение из разведотдела Генштаба, в котором отмечалось: «...группировка вражеских сил характеризуется, с одной стороны, очевидным стремлением обеспечить достаточную подготовку контрмер против ожидаемого немецкого наступления... С другой стороны, все подготовительные мероприятия к наступлению были проведены таким образом, чтобы можно было бы через короткое время перейти самим в наступление...» [Мюллер-Гиллебранд, 382—383].

В связи с предложением В. Моделя и меморандумами военной разведки Гитлер приказал отложить наступление на середину июня. Падение Туниса в мае 1943 г. и усиление угрозы вторжения в Италию или на Балканы еще больше увеличили колебания в руководстве вермахта. Штаб Объединенного командования войсками (ОКВ) предложил вообще отказаться от операции [см.: КТВ ОКВ, 1622]. Под влиянием всех этих факторов Гитлер начал сомневаться в целесообразности ее проведения. Между тем уже в начале июня стало ясно, что Италия будет продолжать войну. Победа вермахта под Курском могла, в частности, вдохнуть новые силы в союзников Германии [см.: Там же, 749—750].

Немецкое командование продолжало получать данные о подготовке советских войск к отражению удара. В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится документ советского командования за 20 июня 1943 г., в котором сообщается, что противник, имея все данные всех видов наблюдения, «без труда вскрывает как систему нашей обороны, так и группировку войск в оперативной глубине. Так за 16.06.1943 г. самолетами ближней разведки противника (по показаниям пленных летчиков) обнаружены на белгородском и харьковском направлениях позиции боевого охранения, окопные работы на 3-х участках и 2 противотанковых рва» [ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 3409, д. 15, л. 250].

Понимая всю пагубность начинаемой авантюры, начальник отдела «Иностранные армии Востока» оперативного управления Генерального штаба полковник Р. Гелен 3 июля 1943 г. подготовил доклад «Оценка предполагаемых действий противника при проведении операции “Цитадель”», в котором прогнозировалось следующее развитие событий в ходе немецкого наступления:

«...2) В полосе группы армий “Юг” следует ожидать, что готовящиеся операции противника против южного фланга и центра группы армий будут проводиться вскоре после начала немецкого наступления в целях отвлечения наших сил от района Курска. Следует считаться с возможностью его наступательных действий с целью охвата 6-й и 1-й танковой армии — в направлении на Донбасс, а также с ударом из района Купянска в направлении Харькова, чтобы глубоко вклиниться во фланг наступающих немецких войск.

3) В полосе группы армий “Центр” противник, по-видимому, может нанести удары сильными оперативными резервами, которые пока обнаружены не полностью, из района Тула — Калуга — Сухиничи — Плавск по 2-й танковой армии, чтобы отвлечь наши наступающие войска. Исходя из его оценки, мы предполагаем, что удары будут нанесены по восточному и северо-восточному флангу армии в направлении на Орел с целью выхода в тыл наступающим немецким войскам...» [Гелен, 92—93].

Гитлер уверял, что разведка дает сильно преувеличенное представление о советской обороне и что наступление нужно проводить по плану. Восемнадцатого июня фюрер окончательно решил на развертывание наступательной операции, хотя и признал обоснованность выраженных штабом оперативного руководства ОКВ опасений [см.: КТВ ОКВ, 749—750]. Незадолго до начала операции Цейтцлер обратился к командующим группами армий «Юг» и «Центр» с предложением высказать свои соображения относительно перспектив операции «Цитадель». Манштейн считал операцию трудной, но обещающей успех [см.: Манштейн]. Клюге полагал, что ее проведение является единственно верным решением в создавшейся обстановке [см.: Совершенно секретно ... , 497]. Однако, предвидя возможность провала «Цитадели», начальник оперативного отдела штаба ОКВ дал армейской пропаганде указание изображать ее как наступление с ограниченными целями [см.: Heinrici, Nauck, 537].

Итак, и советская, и немецкая разведки задолго до начала сражения вскрыли приготовления сторон, практически все знали о намерениях друг друга. Каких-то особых сюрпризов и неразгаданных загадок для противников почти не оставалось. Здесь было немного искусства импровизации, изящества, неожиданных

ходов противников, особенно с немецкой стороны. Все приготовления разгадывались, и противники заранее предпринимали соответствующие меры. В такой ситуации каждая сторона рассчитывала исключительно на свою силу и мощь.

Основные немецкие силы перешли в наступление 5 июля 1943 г. [см.: ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 431, л. 14]. Результаты начального этапа Курской битвы всем хорошо известны: советские войска сумели выдержать первоначальный натиск, и немецкое наступление затормозилось на оперативном уровне. Однако после «казуса» под Прохоровкой 10 июля советское командование 12 июля приказало войскам Брянского, а 15 июля — Центрального и левого крыла Западного фронтов начать отвлекающую контрнаступательную операцию «Кутузов» на Орловском выступе во фланг и тыл 9-й немецкой армии.

Тринадцатого июля в разгар сражения Гитлер вызвал командующих группами армий «Юг» и «Центр» и приказал прекратить операцию «Цитадель» в связи с высадкой союзников на Сицилии и опасностью потери Италии. Тем временем 3 августа началась Белгородско-Харьковская контрнаступательная операция советских войск силами Воронежского и Степного фронтов при содействии Юго-Западного фронта против северного фланга немецкой группы армий «А» и южного фланга группы армий «Юг» (операция «Полководец Румянцев»). Результаты контрнаступательных операций советских войск под Курском впечатляющи. Пятого августа были взяты Белгород и Орел.

Однако победа не была легкой. В ходе всех трех этапов Курской битвы общие потери Красной армии составили более 860 тыс. человек, в том числе около 255 тыс. убитыми; 6 060 танков и САУ, 5 240 орудий и минометов, 1 630 боевых самолетов [см.: Гриф секретности снят ... , 188, 190, 370]. Общие потери вермахта в ходе Курской битвы составили около 500 тыс. солдат и офицеров; 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий и минометов, 3,7 тыс. боевых самолетов [см.: История Второй мировой войны, 178]. Хотя все три этапа Курской стратегической операции в смысле потерь дорого обошлись и советской, и немецкой стороне, первая могла их себе позволить, а вторая — нет.

Курская битва привела к окончательному перелому в ходе войны благодаря возросшему военному искусству советского командования и разведки. Это подчеркивают и отечественные, и зарубежные специалисты. Крупный нацистский стратег генерал Ф. Меллентин отметил что «русское Верховное командование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством...» [Меллентин, 284]. Американские историки Д. Гланц и Дж. Хауз также делают вывод, что «к 1943 г. советская военная доктрина, организация войск и планирование были гораздо ближе к боевой реальности, чем в высшем немецком руководстве. Действительно, сражения в июле и августе 1943 г., как оборонительные, так и наступательные, были первыми за всю войну советскими боевыми операциями, отвечавшими современным требованиям. Но интеграция... была еще сырой, и это приводило к большим потерям в живой силе и технике» [Гланц, Хауз, 282–283].

Нисколько не сомневаясь в правоте зарубежных коллег, говорящих о возросшем мастерстве советского командования, все же осмелимся обратить внимание

на некоторые нюансы, также способствовавшие победе Красной армии. Во-первых, Курская битва являлась «прозрачной» операцией по типу «стенка на стенку», в которой побеждает тот, кто сильнее. Оценка сил накануне сражения наглядно показывает, кто был сильнее. Во-вторых, Курская битва продемонстрировала: м е т а м о р ф о з о й истории явилось то, что советские генералы — после того как в 1941 г. их концепция наступательной и оборонительной войны потерпела крах — стали усваивать и развивать искусство руководства войсками, дававшее вермахту в 1939—1941 гг. отличные результаты, а сами немцы при планировании и осуществлении операции «Цитадель» почему-то перешли на недавние советские принципы «прозрачной» лобовой атаки «во что бы то ни стало». Немецкие командиры вновь попытались после поражений под Москвой и Сталинградом взять новую неприступную крепость — Курский выступ — меньшими силами и с меньшим искусством. Оперативно-тактические ошибки, допущенные германским высшим и армейским командованием, возросшее мастерство советских командиров в сочетании с материальным превосходством Красной армии во многом объясняют, почему битва на Курской дуге закончилась поражением вермахта.

-
- Агапов С. Х.* Инженерные войска Советской армии. 1918—1945. М., 1985.
Битва под Курском: от обороны к наступлению. М., 2006.
Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002.
Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942—1971. М., 2004.
Гланц Д., Хауз Дж. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2007.
Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исслед. М., 1993.
Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 2003.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1972.
История Второй мировой войны. В 12 т. Т. 7. М., 1975.
Карель П. Восточный фронт. М., 2005. Кн. 2.
Красиков В. А. Победы, которых не было. СПб., 2004.
Козлов Л. Совершенствование противотанковой обороны стрелковых соединений // ВИЖ. 1971. № 3.
Колтунов Г. А., Соловьев В. Г. Курская битва. М., 1983.
Коломиец М., Свирин М. Курская дуга. М., 1998.
Меллентин Ф. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. СПб., 2000.
Маништейн Э. Утерянные победы. М. ; СПб., 2003.
Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1939—1945. М., 2002.
Ньютон Стивен Х. Курская битва: немецкий взгляд. М., 2006.
Пленков О. Ю. Третий рейх. Война: кризис и крах. СПб., 2005.
Сборник материалов по изучению опыта войны № 11 (январь — февраль 1944). М., 1944.
«Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР : документы и материалы / сост. В. И. Дашичев. М., 1967.
Соловьев В. Г. Вермахт на пути к гибели: крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. М., 1972.
Токарев И. М. Тактический справочник по германской армии. М., 1940.

- ЦАМО РФ. Ф. 3, 48а, 148а, 203, 233.
Шунков В. Н. Вермахт. Минск, 2007.
Штеменко С. М. Советский Генеральный штаб в годы войны 1941—1945. М., 1968.
Heinrici G., Hauck W. Zitadelle. Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1965. № 8/10.
КТВ ОКВ — Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) (1940—1944). Frankfurt a/M., 1963—1965. Bd. 3, Hbd. 2.

Статья поступила в редакцию 19.12.2008 г.

УДК 328.122.2(410) + 342.53(410)

Е. О. Науменкова

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОВЕДЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ТРЕТЬЕЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ

Исследуются предпосылки проведения третьей парламентской реформы в Великобритании. В центре внимания автора — анализ объективных условий, сложившихся в стране к середине 80-х гг. XIX в., формирование основных политических установок консерваторов и либералов и позиций их лидеров в вопросах изменения структуры представительства в палате общин и расширения избирательных прав мужского населения. Показано возросшее значение позиции рабочего класса в расчетах обеих партий и влияние радикального крыла партии У. Гладстона на решение о проведении этой реформы.

Ключевые слова: Великобритания, парламент, «гнилые местечки», консерваторы, либералы, избирательные права, электорат.

В связи с развитием в современной России парламентской системы актуален и небезынтересен опыт проведения парламентских реформ в Великобритании в XIX в. Тогда были проведены три парламентские реформы; они постепенно приближали страну к всеобщему избирательному праву и формировали демократическую политическую систему. Предыстория этих реформ многократно рассматривалась в отечественной историографии, однако полнейшее свое освещение они получили лишь в 80—90-е гг. прошлого века. Реформа 1832 г. подробно описана в работах М. В. Жолудова, У. А. Кашапова и М. И. Романовой [см.: Жолудов; Кашапов; Романова]. Проблемы реформирования парламентской системы в 60-е гг. XIX в. (вторая парламентская реформа) нашли свое отражение в работах О. А. Науменкова [Науменков, 1988, 1989, 2004].

Третья парламентская реформа в отечественной историографии рассмотрена крайне скупо. До настоящего времени нет исследований, которые обстоятельно раскрывали бы проблему межпартийной борьбы вокруг этой реформы. Лишь О. А. Науменков в своей монографии «Роберт Солсбери и его время...» показывает основные моменты закулисной борьбы, особенно отношение консерваторов к принятию билля [см.: Науменков, 2004]. В связи с этим представляется важным исследовать предпосылки проведения третьей парламентской реформы (1884—1885 гг.) в контексте всей триады парламентских реформ XIX в.